

„механично“, у него почти всегда полное отсутствіе содержанія, и только все оно состоитъ изъ „pâte“ и „brosse“, столько драгоценныхъ сердцу г. Боборыкина. Но то, что мило г. Боборыкину, то еще не непременно мило и всѣмъ остальнымъ русскимъ. Ему, наприм., кажется, что „худого въ томъ нѣтъ“, что г. Харламовъ „имѣетъ манеру письма близкую къ великимъ мастерамъ портретной и жанровой живописи французской и испанской школъ“ — а намъ кажется, что „худого“ въ томъ очень много, потому что мы не испанцы и не французы, особливо прежняго времени, а потому и картины, и письмо ихъ должны быть другія, свои, а не чужія, не во гнѣвъ буди сказано „преемствамъ“ г. Боборыкина — что впрочемъ ничуть не мѣшаетъ ему, если это ему такъ нравится, писать романы и фельетоны въ манерѣ какихъ угодно французовъ. Ему точно также кажется, что хорошо бы очень было, еслибъ „наши художники, вмѣсто „сюжетныхъ жанровъ“ писали прямо съ натуры (въ томъ числѣ голыхъ женщинъ, сказано у г. Боборыкина нѣсколькими строками выше), довольствовались типами, картинами домашней жизни, беря примѣръ съ великихъ голландскихъ мастеровъ... Отчего-бы и намъ не пойти по слѣдамъ Ванъ-Остаде, Теньерсовъ и Герардовъ Доу?“, спрашиваетъ онъ. Отвѣтъ очень простъ, но только г. Боборыкину онъ никакимъ образомъ не можетъ прійти на умъ. Оттого намъ не надо идти по слѣдамъ голландцевъ, что не надо идти ни по чьимъ слѣдамъ, никому не подражать, никого не повторять и не обезьянничать, а идти своею собственною дорогою, какая передъ нами лежитъ, по условіямъ самой нашей народности, исторіи, національнаго духа, дѣйствительной нашей собственной жизни, а не чьей бы то ни было чужой; во-вторыхъ, потому не надо намъ идти по слѣдамъ голландцевъ (если бы даже кто и вздумалъ допускать подражаніе), что эпоха голландцевъ — то было одно время, а нынче другое; что тогда было достаточно и впору, то теперь уже неудовлетворительно. Голландцы были великіе мастера, и мы низко передъ ними преклоняемся, но повторять ихъ ничтожное или пустое содержаніе — теперь уже стыдно и непростительно. Можно радоваться и любоваться на даровитаго ребенка, но поддѣлываться изъ взрослого подъ его взгляды и понятія — какой срамъ!

Г. Боборыкинъ являлся у насъ, по части искусства, всегда только выразителемъ плохихъ французскихъ мнѣній и ходячихъ художественныхъ предразсудковъ. По счастью, они не могли никогда, даже въ самомалѣйшей степени, привиться у насъ. Они вовсе для насъ непригодны.

Являлись иногда русскіе художественные критики, которые,